

Внутри меня что-то зарождалось, чувство, которое до этого дня я испытывала лишь вскользь во время общения с мистером Полном. Чувство возбуждения, выходящее за рамки легкого любопытства девочки-подростка, что-то, что ощущалось очень женственным, очень сильным, очень... взрослым. Что-то, что, возможно, я не должна была чувствовать в средней школе, и все же меня привело туда ощущение пальцев моего учителя на краю моих трусиков, и наклон его твердого ствола, движущегося за пределы досягаемости моего языка. Я была мокрой, и это несомненно, я чувствовала это на тонких трусиках, и я ощущала жар под своим полом, который был совершенно новым для меня. Не считая нескольких ночей, когда я исследовала свое тело в прошлом, мой опыт в собственном цветущем возбуждении был довольно минимальным, и никогда я не испытывала ничего даже близко похожего на то, что чувствовала сейчас.

Мне было стыдно за то, что вырвалось из моих уст, да, но в то же время я никак не могла удержаться, чтобы не сказать это. Слова были произнесены между сильными ударами по члену мистера Польна моим ртом и кулаком, и по мере того, как я небрежно продолжала оказывать свои услуги, моему учителю были предложены два грязных, невнятных слова от очень возбужденной молодой женщины.

"Прикоснись... ко мне". Это была мольба, просьба, возможно, даже желание. Мой голос доносился в машину очень мягко, как сладкая, мягкая мольба отчаявшейся молодой женщины. Мистер Полн издал еще один звук удовлетворения, и, как это было свойственно моему доброму учителю, не стал мучить меня за то, что я повинуюсь желаниям собственного тела. Он просто повиновался, двигая рукой поверх некоторых частей, больше к центру моего женского достоинства. Он не стал трогать меня под трусиками, но в тот момент ему это вряд ли было нужно. Его сильное прикосновение коснулось моего пола через тонкую ткань трусов, и мой голос разразился внезапным сладостным криком. Звук, который я никогда не думала, что смогу произвести, но который по своему жару и отчаянию соперничал только с полным и абсолютным подчинением, которое он предлагал моему учителю. Его пальцы против моего секса заставили меня выгибаться и дрожать, и все, что я могла делать, это продолжать брать его член в рот, сосать и гладить его, пока он показывал мне, что такое возбуждение.

За все прошедшие годы я смогла придумать только один верный способ описать то, что он сделал со мной в машине. Только одну вещь, с которой я могла бы сравнить себя. Как бы глупо это ни звучало, но я была похожа на шоколадное печенье, обмакнутое в молоко. Я была сильной и решительной, но когда он положил на меня свои пальцы и начал смачивать меня, сливки ослабили мою решимость. И с каждым маканием, с каждым погружением я становилась все более хрупкой, более влажной и более вкусной. К тому времени, когда наступила кульминация, я была похожа на печенье, которое разломилось в бокале, не в силах больше держаться вместе, не в силах делать ничего, кроме как ломаться и надеяться, что он сможет выловить меня со дна бокала.

Мое зрение потемнело, когда я кончила, и я тряслась, дрожала и кричала в замкнутом пространстве машины. Вдалеке я слышала, как проехала еще одна машина, но я уже давно потеряла способность беспокоиться о том, увидят ли нас. В этот момент моим миром стали прикосновения мистера Польна, а также его член, и я была погружена в его тренировки так, как никогда не была сосредоточена ни на одном из своих занятий. Мое тело пришло в такое желание от его пальцев, танцующих над моими трусиками, что моя голова покачнулась вперед, и на мгновения, мгновения, я едва могла понять, где нахожусь.

К тому времени, когда я пришла в себя, в машине стоял безошибочный запах секса и похоти. Член мистера Полна находился под моим подбородком, безвольно свисал в брюки, а с кончика его головки стекала небольшая лужица крема. Глядя на него, я быстро поняла, что мой рот полон, а на языке густой привкус. В послеоргазменном блаженстве я пыталась собрать воедино секунды, предшествовавшие этому, но не могла вспомнить ничего, кроме ослепительного света моего учителя, доведшего меня до оргазма. Когда я села в его машину в ту пятницу вечером, я бы отпрянула от прикосновения его спермы к моему лицу, но в тот жаркий момент я не думала о том, чтобы закрыть глаза, сжать горло и проглотить весь рот с готовностью. Вкус привел меня в восторг, как ребенка, который отказывается попробовать что-то, что ему не нравится на вид, но потом обнаруживает, что это вкусно так, как она никогда не знала.

Мистер Полн тепло погладил мою голову, когда я глотала, и направил меня, когда моя шея опустилась вперед, и я впиалась поцелуем в бок его ствола, нежно облизывая его, пока мои дрожащие руки работали, чтобы заправить его обратно в брюки. Через мгновение я подняла на него глаза, мои волосы были в беспорядке, щеки покраснели, а сперма все еще оставалась на моих губах. Его сильный палец провел по моей щеке, чтобы собрать сливки, ввел их в мой рот, где я очистила кончик языком и закрыла глаза в покорном, блаженном восторге.

"Спасибо, Ким". наконец прозвучал голос мистера Полна, и он помог мне вернуться на свое место. Он терпеливо ждал, пока я перевела дыхание, поправила волосы и снова закрепила ремень безопасности. Мои руки разгладили голые колени, и я успокоилась, пытаясь вернуть себе хоть какое-то подобие самообладания.

"Я с нетерпением жду понедельника". Он улыбнулся, бросив бровь, когда двигатель машины завелся. И несмотря на себя, несмотря на свой стыд, моя голова охотно кивнула, и я одарила своего старшего учителя яркой, веселой улыбкой.

"Я тоже!"

Днями позже П надулась, упершись подбородком в руку и прижавшись лбом к пассажирскому окну папиной машины. Не далее как три дня назад я наслаждалась самым волнующим моментом в своей жизни, сидя на пассажирском сиденье в машине, но теперь это ощущалось как тягучий похоронный марш. Мистер Полн обожал мой рот, который теперь болел, болел и был выложен металлом из моих зубов.

Что он будет делать теперь, когда он больше не может его иметь?